

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10283

Мотив иконы в повести протоиерея Николая Агафонова «Стояние»

И. С. Леонов ¹✉, Д. Вальчак ²

¹ Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

² Варшавский университет

¹ ISLeonov@pushkin.institute ✉

² dorota.walczak1990@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли мотива иконы в повести протоиерея Николая Агафонова «Стояние». Рассматриваются черты произведения, которые позволяют отнести его к православной художественной прозе: духовная эволюция героев, поиск Творца, обращение к Церкви, нравственный кризис и его преодоление. Кроме того, анализируется способ изображения автором чуда, а также широкий спектр реакций на него персонажей-свидетелей произошедшего. «Куйбышевское» чудо рассматривается в историко-культурном и литературном контекстах: исследуются черты эпохи, устанавливается связь между «Стоянием» Н. В. Агафонова и другими художественными произведениями, посвященными указанному событию. Отмечается также несомненное идейное и художественное сходство между присутствующим в данном произведении описанием стояния Зои и византийскими и древнерусскими преданиями о наказании иконоборца или кощунственника чудотворной иконой. В результате исследования авторы приходят к выводу, что мотив иконы в произведении тесно связан с мотивами физического и духовного исцеления, спасения человеческой души, соединения ее с Творцом. В повести возникает мотивный комплекс молитва / стояние, а само стояние рассматривается как искренняя, хотя и бессловесная, молитва, обращенная к Богу и способная положить начало внутреннему преобразению человека. В этом смысле случай, произошедший с девушкой, воспринимаемый не столько как наказание за грех кощунства, но, в первую очередь, как призыв Спасителя к покаянию, адресованный как к Зое, так и многочисленным свидетелям произошедшего. Образная система повести включает персонажей, готовых воспринять этот призыв и встать на путь духовной эволюции, а также лиц, не способных на переосмотр собственного материалистического мировоззрения.

Ключевые слова: православная художественная проза, миссионерская проза, протоиерей Николай Агафонов, повесть, мотив, икона

Для цитирования: Леонов И. С., Вальчак Д. Мотив иконы в повести протоиерея Николая Агафонова «Стояние» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 360–377. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10283

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10283

The Icon Motif in “Standing , a Short Novel (‘Povest’) by Archpriest Nikolai Agafonov

Ivan S. Leonov ¹✉, Dorota Walczak ²

¹Pushkin State Russian Language Institute ✉

²University of Warsaw

¹ISLeonov@pushkin.institute

²dorota.walczak1990@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the role of the icon motif in “Standing,” a short novel (‘povest’) by Archpriest Nikolai Agafonov. The authors analyze the features of the work that allow to categorize it as Orthodox fiction: the spiritual evolution of the characters, the search for the Creator, the appeal to the Church, the moral crisis and overcoming this crisis. In addition, portrayal of the miracle is analyzed along with a wide range of reactions of the characters who witnessed the incident. The Kuibyshev miracle is considered in the historical, cultural and literary contexts: the characteristics of the era are investigated, a connection is established between “Standing” by Nikolai Agafonov and other works of art dedicated to this event. There is also an undeniable ideological and artistic similarity between the description of Zoya’s standing in this work, and Byzantine and Old Russian legends about the punishment of an iconoclast or blasphemer by a miraculous icon. As a result of the study, the authors conclude that the icon motive in the work is closely related to the motives of physical and spiritual healing, the salvation of the human soul, and its connection with the Creator. A motivational prayer / standing complex emerges in the short novel (‘povest’), and standing itself is viewed as a sincere, albeit wordless prayer addressed to God and capable of initiating a person’s inner transformation. In this sense, the incident that happened to the girl is perceived not so much as a punishment for the sin of blasphemy, but primarily as a call of the Savior to repentance, addressed both to Zoya and to numerous witnesses of the incident. The figurative system of the short novel (‘povest’) includes characters who are ready to accept this call and embark on the path of spiritual evolution, as well as persons incapable of revising their own materialistic worldview.

Keywords: Orthodox fiction, missionary prose, Archpriest Nikolai Agafonov, short novel (‘povest’), motif, icon

For citation: Leonov I. S., Dorota W. The Icon Motif in “Standing”, a Short Novel (‘Povest’) by Archpriest Nikolai Agafonov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 360–377. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10283 (In Russ.)

Конец XX — начало XXI в. — период формирования ряда новых тенденций в русской литературе. Одна из них связана с обращением писателей к религиозно-философским вопросам, понимаемым в русле православно-церковной традиции. Речь идет о теме духовной эволюции человека постсоветской и постперестроечной эпох, стремлении его к Творцу, призвании к священническому и монашескому служению. Кроме того, в этих произведениях речь может идти о повседневной жизни духовенства и, как правило, сельских церковных общин. Среди писателей, обращающихся к этим темам, следует назвать архимандрита (в настоящее время — митрополита) Тихона (Шевкунова), протоиереев Николая Агафопова, Ярослава Шипова, Александра Шантаева, Александра Дьяченко, Алексия Лисняка, иеромонаха Феодорита (Сеньчукова), а также авторов-мирян: Сергея Козлова, Валерия Лялина, Олесю Николаеву, Бориса Спорова, Наталью Сухинину, Татьяну Шипошину и других.

К актуальным литературоведческим задачам, стоящим перед исследователями, следует отнести разработку оптимальной терминологии, отражающей специфику данного литературного явления, уточнение ряда его художественных параметров, выявление дифференцирующих признаков, позволяющих не только говорить об особой нише данных текстов в современном литературном процессе, но также выделить отдельные течения в рамках самого художественного феномена.

Первые попытки дать терминологическое определение исследуемому литературному явлению нашли отражение в работах критиков В. Каплана и Ю. Кононенко [Каплан], [Кононенко]. Речь идет о понятии «иерейская проза» и практически синонимичном ему — «священническая проза». Признавая дискуссионный характер определения «иерейская проза», В. Каплан в то же время пытается внести ясность, проводя аналогию с лейтенантской прозой и литературой писателей-деревенщиков: «Однако выделять творчество каких-то писателей в некое направление — это не то же самое, что признавать их высокое художественное мастерство. Лейтенантская проза не потому стала литературным явлением, что все ее

авторы сказали новое слово в изящной словесности — разными они были, кто более, кто менее талантлив, — но потому, что общим для них оказался новый на тот момент подход к изображению войны в советской литературе. Не масштабные полотна, не деяния великих полководцев — а взгляд из окопа, кровь, грязь, неоднозначность человеческих поступков, тонкая грань между подвигом и предательством. И то же можно сказать о прозе “деревенщиков” — при всем различии в манере письма их объединял предмет рассмотрения. Не “как сказано”, а “о чем сказано” и “зачем сказано» [Каплан]. Далее критик выявляет ключевой вектор исследуемого им феномена, позволяющий говорить о различных в жанровом и стилевом планах литературных текстах как о едином целом: «...фокус их внимания сосредоточен примерно на одном и том же — на современном человеке в его отношениях с Богом» [Каплан].

В современном литературоведении встречается еще ряд терминов, обозначающих данное явление. Среди них «православная художественная проза» [Краснякова], [Леонов], «духовная проза» [Пращерук, 2013, 2018], «теоцентричная проза» [Бойко]. Очевидно, что перечисленные термины указывают на один феномен, а именно корпус литературных художественных текстов православно-церковной направленности, в которых на первый план выходит тема взаимоотношений личности со своим Творцом, роль Промысла Божьего в жизни человека. Указанные темы интерпретируются в единстве православной этики, метафизики, а также иерархических представлений о Церкви Небесной и Церкви земной.

Несколько особым статусом, с нашей точки зрения, обладает иерейская (священническая) проза, которая призвана отразить уникальный опыт пастырского служения. В рамках одного из подходов к изучению православной художественной словесности была предложена классификация ее основных течений, основанная на принципах отбора и особенностей раскрытия литературного материала [Леонов]. Речь идет о миссионерской прозе (раскрываются пути духовного преображения героя, его движение от греховной жизни к Богу и Церкви), приходская проза (изображается жизнь сельских приходских общин), монастырская проза (посвящена внутренней жизни

человека, ставшего на путь иночества). В этом ключе предложенный критиками термин «иерейская проза» соотносится с приходским течением православной литературы.

Как отмечает С. С. Бойко, «художественный мир теоцентричной книги — это мироздание, которое создано Творцом. Оно внутренне целостно, пронизано глубинными связями предметов и явлений <...>. Время и пространство теоцентричного мира всегда и везде связаны с вечностью. События священной истории наряду с историческими фактами входят в мир героев как актуальные, переживаемые лично» [Бойко: 18–19].

В современном литературоведении выявляется несколько подходов к изучению православной художественной словесности сегодняшнего дня. Так, М. С. Краснякова выделяет в ней три доминантных типа сюжета: паломнический, монастырский и семейно-бытовой [Краснякова]. Н. В. Пращерук связывает возникновение и развитие данного феномена с тенденцией современной культуры к «демассификации». По мнению исследователя, «это своего рода защитный механизм культуры против тотальных процессов “омассовления”. В контексте общекультурных проблем значение православной беллетристики, способной своей системой ценностных и мировоззренческих координат противостоять наступлению на личность, еще более возрастает» [Пращерук, 2018: 7]. Кроме того, литературовед обращается к проблеме генезиса данного литературного явления и связывает его с традициями святителя Игнатия (Брянчанинова) [Пращерук, 2013].

К сожалению, феномен русской православной прозы пока недостаточно изучен в европейском литературоведении. Ему посвящен небольшой фрагмент в статье польского исследователя русской литературы А. Зиверт [Zywert: 190]. Исключения составляют иностранные отзывы на книгу «“Несвятые святые” и другие рассказы» митрополита Тихона (Шевкунова) [Phillips] и книга польской ученой Б. Вегнерской о творчестве Б. Зайцева [Wegnerska].

Исследование современной православной художественной прозы связано с выявлением комплекса ключевых мотивов, отражающих художественную специфику данного литературного явления. Одним из них становится мотив иконы,

занимающий важное место в произведениях целого ряда писателей. Так, например, авторами настоящей статьи была принята попытка исследования роли и места данного мотива в творчестве Бориса Спорова [Леонов, Вальчак]. Нужно подчеркнуть, что начиная с XIX в. отношение к иконе — для православных верующих символу веры и посреднику в общении между человеком и Богом — стало главным показателем отношения к Божественной реальности как литературных персонажей [Jewdokimow: 85], так и самих авторов произведений. Если еще в дореволюционной словесности положительным героем был всегда иконопочитатель, то в советской литературе зачастую в пример ставится персонаж-иконоборец, активно воюющий против «религиозных предрассудков» и их носителей, которые воспринимаются как «фанатики» [Ломоносов: 2173]. Это особенно хорошо видно в литературе хрущевского периода, когда шла очередная волна гонений на Церковь. Примером здесь может послужить повесть В. Ф. Тендрякова «Чудотворная» [Вальчак: 3], где икона в соответствии с авторским замыслом лишается статуса православной святыни, становясь символом практически языческого поклонения.

В современной православной литературе активно переосмысливается советская эпоха с ее гонениями на Церковь. Писателями, принадлежащими данному направлению, с одной стороны, изображаются многочисленные репрессии большевиков в отношении к Православной Церкви и верующим (а также и к иконам, являющимся православными святынями), а с другой — реакции людей на те самые репрессии. В настоящей работе рассматриваются специфические особенности мотива иконы в произведении протоиерея Николая Агафонова «Стояние» (2008).

Повесть «Стояние» написана в традиции миссионерской прозы [Леонов]. В ней раскрывается сложный духовный путь обретения веры людьми, ставшими свидетелями чуда, т. е. воздействия Божественной реальности на человеческую жизнь. Для миссионерской прозы характерен особый тип персонажа, претерпевающего своеобразную духовную эволюцию и совершающего внутреннее движение от неверия к вере. К этим персонажам в повести относится и сама Зоя, наказанная за

грех святотатства, и свидетели произошедшего с ней чуда: Кузьма Петрович Сапожников, Вадим Болонкин, Лариса. Определенный внутренний перелом происходит в душе лейтенанта Мельникова и профессора Нижегородского. Следует признать, что авторы, работающие в русле миссионерской прозы и обращающиеся к мотиву чуда, подлинным чудом считают преобразование внутреннего мира своих персонажей, которое выражается в примирении с Богом, отказом от стереотипов прошлой жизни, обретением веры и воссоединением с Церковью небесной и Церковью земной. Эти мотивы достаточно ярко отражаются в повести протоиерея Николая Агафонова «Стояние».

Действие повести разворачивается вокруг события, произошедшего в Куйбышеве (прежде и сейчас — Самара) зимой 1956 г. Согласно народному преданию, комсомолка по имени Зоя Карнаухова танцевала на вечеринке с иконой св. Николая. За свое кощунство — непочтительное отношение к православной святыне — Зоя была наказана: она окаменела на месте с образом святителя Николая в руках. Икона в православии считается святыней, связывающей верующего с изображенным на ней первообразом. Зоя же, находящаяся в состоянии внутреннего конфликта, оставшись без пары во время танцев, решила на подобное кощунственное действие. Как утверждали очевидцы, «Зоино стояние» в доме при Чкаловской продолжалось больше 120 дней и закончилось только на Пасху того же года. По мнению ряда исследователей, спасение застывшей девушки произошло благодаря личному вмешательству св. Николая [Лебедев, Прилуцкий: 8].

Нужно заметить, что неслучайно главную роль во всей этой истории играет именно икона св. Николая. Кажется очевидным, что имя святого совпадает с именем не пришедшего на вечеринку молодого человека, но следует также помнить, что святой Николай в русской традиции является особым покровителем грешников и заступником за них перед Богом.

В среде Русской Православной Церкви все еще нет единой оценки случившегося, хотя отдельные иерархи и рассматривают «Зоино стояние» как чудо [Игнашов]. Были даже созданы житийные иконы св. Николая с историей Зои в клеймах.

Очевидно, что мотив иконы является одним из центральных в повести «Стояние». Он связан не только с эпизодом наказания Зои за грех святотатства, но должен быть рассмотрен в более широком контексте. Так, в произведении упоминается эпизод, когда мать Зои с тяжелобольным ребенком молится у иконы на территории закрытого Петропавловского храма. В результате маленькая Зоя получает не только исцеление от физического недуга, но и чудесным образом принимает таинство крещения в сторожке храма. Таким образом, мотив иконы в данном случае тесно связан с мотивами физического и духовного исцеления, спасения человеческой души, соединения с Творцом. Следует отметить, что чудо происходит благодаря искренней вере матери девочки, Анастасии, и церковного сторожа Веры. Для писателя, анализирующего духовную жизнь своих персонажей, важное значение имеет вера, передающаяся от родителей к детям. При этом сами дети до определенного этапа могут не осознавать своего стремления к Богу, которое пробуждается в наиболее судьбоносные жизненные моменты.

Подобное пробуждение происходит в душе заводского сторожа Кузьмы Сапожникова, ставшего свидетелем произошедшего с Зоей чуда. Именно в дни Зоино стояния во внутреннем мире пожилого человека происходит значительный перелом. Он вспоминает свою искренне верующую мать, видит сон, в котором беседует с ней о вере, испытывает сострадание к застывшей девушке, сопряженное с отцовским чувством: «Ты плачешь, доченька? — не то испуганно, не то удивленно произнес Кузьма Петрович, отступая на два шага от Зои. <...> И теперь, когда он назвал эту незнакомую девушку доченькой, его охватила такая к ней жалость, что силы покинули бывшего разведчика»¹.

Впечатление от увиденного способствует преодолению сторожем границы секулярного и храмового пространств, что свидетельствует о начале внутреннего преображения

¹ Агафонов Н. В. Стояние // Агафонов Н. В. Три повести. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. С. 86–87. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Агафонов* и указанием страницы в круглых скобках.

персонажа. Первая молитва Кузьмы Петровича у иконы святителя Николая Чудотворца носит бессловесный характер: «Молитв он никаких не знал, а потому просто стоял, решив, что пусть его стояние и будет молитвой» (Агафонов: 101). В произведении возникает мотивный комплекс молитва / стояние, а само стояние рассматривается автором как искренняя, хотя и бессловесная, молитва, обращенная к Богу и способная положить начало внутреннему преобразению человека.

В этом смысле представляется недостаточным рассматривать стояние Зои исключительно как наказание за грех кощунства. Данная модель не соответствует православному пониманию роли Промысла Божьего в жизни человека и скорее соотносится с языческими представлениями. Случай, произошедший с девушкой, необходимо рассматривать как призыв Спасителя к покаянию и пересмотру собственной жизни, обращенный и к Зое, и к свидетелям произошедшего. В данном контексте стояние Зои — это также молитва, приводящая к очищению и преобразению души молодой комсомолки.

Таким образом, через икону Бог дважды спасает Зою и приводит к Себе: в детстве, и в восемнадцатилетнем возрасте. Зеркальный характер этих эпизодов раскрывается через мотив воспоминания молитвы: строки православного песнопения «Царице моя преблагая...» звучат как во время молитвы у ворот храма, так и во время бегства девушки из больницы. Подобный художественный прием встречается и в других произведениях протоиерея Николая Агафонова, например, «Утешение в старости» и «Вика с Безымянки».

Следует отметить, что автор достаточно осторожно и деликатно подходит к пониманию чудесных явлений в человеческой жизни. Чудо не является своеобразной аксиомой, призванной в любом случае убедить человека в существовании Бога и привести его в церковь. Очевидно, что чудо по-разному воздействует на персонажей: для одних оно действительно становится Божественным откровением (Кузьма Петрович, Вадим Болонкин, Лариса, Анастасия Егоровна, Мельников), для других входит в разряд неизвестных науке явлений (профессор Нижегородский), для третьих — провокацией «церковников» (сотрудники органов госбезопасности, уполномоченный Илья Никифорович).

В отдельных случаях наказание за грех кощунства может не наступить или быть отсрочено по времени (большевики, попирающие икону при выходе из храма, дьяконы обновленческой церкви, проводящие опись имущества православного собора), а если и наступает, то интерпретируется особым образом. Например, заболевшая инсультом доцент Мышинская связывает недуг с собственными романтическими переживаниями. Таким образом, автор акцентирует внимание на способности человека, проходящего через испытания, принять Бога, отказаться от прежней жизни, внутренне преобразиться.

Необходимо помнить, что куйбышевское событие произошло как раз в начале новой волны кампании по борьбе с «религиозными предрассудками», начатой руководителем КПСС Никитой Хрущевым. Ажиотаж вокруг «Зоино стояния» был очень неудобным для местных коммунистических властей, поскольку он способствовал укреплению религиозных настроений в обществе, которые активно уничтожались партийными деятелями. Многим верующим «чудо об иконе» в Куйбышеве показалось знаком от Бога, предостережением для атеистической и забывшей о Творце власти. Общественный резонанс «Зоино стояния» был огромным. Известно, что о событиях 1956 г. писала газета «Волжская коммуна», а против людей, столпившихся вокруг дома при Чкаловской, были задействованы отряды конной милиции. В то же время в милицейских архивах отсутствуют какие-либо материалы о «Зоинном стоянии».

Именно из-за своей «антирежимности» куйбышевская история о Зое изначально получила огромную известность. Уже в конце 1950-х гг. популярностью пользовалось рукописное «Зоино житие», а начиная с 1990–2000-х, легенда обрела статус настоящего культурного феномена и нашла свое отражение в искусстве. В 2009 г. был опубликован довольно слабо связанный с легендой о Зое роман Юрия Арапова «Чудо». Вскоре по сценарию писателя режиссером Александром Прошкиным был снят фильм «Чудо» с Константином Хабенским и Сергеем Маковецким в главных ролях. В 2010 г. вышла в свет книга Антона Жоголева «Стояние Зои», а в 2017 г. была издана повесть Вероники Черных «Икона».

Произведение Н. В. Агафонова вписывается в этот своеобразный «Зоин цикл». Автор, относящийся к числу основоположников современной православной художественной прозы, многие годы нес пастырское служение в Самаре и был лично знаком с некоторыми участниками событий 1956 г. Он попытался художественно осмыслить «Зоино стояние», опираясь при этом главным образом на архивные источники и рассказы очевидцев. Протоиерей Николай Агафонов принял близкую Арабову художественную стратегию. В предисловии к книге он отмечает, что его описание самого чуда не является основной авторской задачей, так как правдивое изображение его в искусстве не представляется возможным. Главной же целью автора было описание всего, что происходило вокруг этого чуда, прежде всего реакции на чудо очевидцев, анализ их внутреннего мира, способностей к преодолению стереотипов и духовному преображению при соприкосновении с Божественной реальностью.

Очевидно, что главной героиней повести является не сама окаменевшая Зоя. Можно предположить, что в произведении и вовсе отсутствует главный герой. Читатель смотрит на куйбышевские события глазами различных персонажей: пожилого сторожа Кузьмы Петровича Сапожникова, бывшего уголовника Вадима Болонкина и его девушки Ларисы, милиционеров Тарасова и Мельникова, офицера КГБ Плетнева, уполномоченного по делам религии Никифорова, Зоиной матери, представителей Церкви, медицинских работников, случайных людей, пришедших к дому на Чкаловской улице.

Сам момент, когда Зоя окаменела, в повести отдельно не изображен, и читатель узнает о нем посредством рассказов участников злополучной вечеринки. Это неудивительно, поскольку автор сосредоточивается на восприятии своих персонажей. Все последующие события представлены глазами заводского сторожа Кузьмы Петровича Сапожникова. Именно в дежурку хромого старика прибежала испуганная молодежь, умоляя его позвонить в скорую помощь, сбивчиво объясняя, что «там с девушкой непонятно что происходит» (Агафонов: 22).

Дальше читатель наблюдает за развитием ситуации уже глазами скептически настроенных к чудесам милиционеров и сотрудников органов безопасности. В то же время не каждый представитель силовых структур готов воспринять произошедшее на Чкаловской улице однозначно. Внутренние изменения происходят в душе лейтенанта милиции Мельникова, преждевременно поседевшего за одну ночь в результате увиденного. Однако и здесь следует учитывать вопрос присутствия в семье Бога, веры, которая передается из поколения к поколению. На страницах повести читатель встречает двух эпизодических персонажей — сестру Мельникова и ее подругу, для которых произошедшее с Зоей событие стало подлинным свидетельством Божьего Промысла.

Если Мельников кажется испуганным и видно, что странная история с Зоей пошатнула его материалистическое мировоззрение, то его начальника Тарасова, наоборот, абсолютно не смущает вид окаменевшей Зои. Он полностью уверен в невозможности чуда, и его уверенность ничто не способно поколебать. Неслучайно Н. Агафонов приводит в повести слова Ф. М. Достоевского: «Не чудеса склоняют реалиста к вере» (*Агафонов*: 7). Милиционер даже при виде настоящего чуда не может поверить в увиденное и ищет ему какое-то рациональное объяснение. Точно так же реагирует и представитель органов госбезопасности Плетнев, в разговоре с Кузьмой Петровичем использующий типичный словесный штамп: «религия уводит нашего советского человека от деятельной жизни, от борьбы за светлое будущее всего человечества» (*Агафонов*: 62). Неприятие чуда в сознании представителей власти тесно связано с попыткой борьбы с ним, которое понимается в типично рационалистическом ключе: пригласить медицинского эксперта для формирования «научной» версии произошедшего, взять со свидетелей расписку о неразглашении и т. д.

Еще одним персонажем, во внутреннем мире которого наблюдаются отголоски внутреннего перерождения, становится профессор медицины Нижегородский. Убежденный материалист и атеист, свято верящий в силу научного знания, способного объяснить любое явление окружающего мира, он пытается определить случившееся с Зоей термином «диффузия». Однако первый импульс к переменам в его сознании

происходит в тот момент, когда его возлюбленная Мышинская оказывается парализованной после танца с иконой. Внешним свидетельством произошедшей с профессором перемены становится его посещение храма и передача священнику той самой иконы, которую держала в руках Зоя во время стояния. Дальнейшая история Нижегородского, по замыслу автора, остается неизвестной читателям.

В наибольшей степени духовное преображение коснулось сына хозяйки дома на Чкаловской улице, бывшего уголовника Вадима Болонкина, который увидел в произошедшем с Зоей событии знак Божественного присутствия: «Взять с божницы икону и пойти с нею танцевать — это явный перебор. Для Вадима было непонятным не то, что Зоя застыла с иконой, окаменела, а то, что при этом она осталась жива. Потусторонние силы не испепелили девушку, они пожалели ее. Вот это и потрясло Вадима до глубины души. Что же это выходит, значит, Бог не хочет погибели даже грешников, а хочет, чтобы они вразумились?» (*Агафонов*: 47). Очевидно, что для Вадима Творец открывается не как строгий судья, требующий немедленного воздаяния за совершенный грех, а как любящий Отец, ожидающий покаяния заблудшего человека.

Образ Болонкина изображен в повести в противоречивом ключе. С одной стороны, персонаж связан с уголовной средой, имеет криминальное прошлое, считается неблагонадежным с позиции комсомольцев. С другой — его характеризуют необычное прозвище «Умник», любовь к чтению, отказ от преступных деяний в отношении пожилых людей. Очевидно, что, несмотря на все жизненные обстоятельства, семена веры заложены в сердце Вадима. События, связанные со стоянием Зои, а также последующее знакомство с православными людьми из села Рождествено, приводят к осознанной вере и самого молодого человека, и его девушку Ларису.

Вероятно, приход персонажа к вере связан с его интуитивными поисками отца. Потеряв родителя в детстве, Вадим стремился к обретению отцовского начала на протяжении последующих этапов жизни. В итоге поиск отца земного приводит его к встрече с Отцом Небесным, которая происходит во время Зоино стояния и последующих событий. Чудо на

Чкаловской помогает Болонкину покончить с криминальным прошлым и начать новую жизнь, что отвечает принципам миссионерского направления православной художественной литературы. Внутреннее преображение Вадима и его возлюбленной Ларисы вызывает ассоциацию с евангельскими образами — благоразумного разбойника и грешницы.

Легенды и предания о чудотворных иконах, через которые осуществляется наказание иконоборцев и святотатцев, появились уже в Византии. В произведениях в качестве иконоборцев обычно выступают представители тех религий, которые не признавали воссоздание зримого образа Бога. Зачастую под влиянием чуда эти люди обращаются в христианство и становятся уверенными иконопочитателями [Sulikowska-Gąska: 56].

Множество этих византийских сказаний уже в период Средневековья появилось на Руси в качестве переводной литературы. Вскоре появились и оригинальные варианты данного сюжета.

Как отмечают исследователи, сказ о девушке, которая танцевала с иконой в руках и застыла, был известен в русском городском фольклоре, по крайней мере, с XIX в., но актуализировался и стал опять популярным во время гонений на Церковь 1920-е и в 1950-е гг. [Петров: 113]. Н. Агафонов намеренно прибегает к известной истории с Зоиним стоянием, чтобы показать различную человеческую реакцию, вызванную чудом. Автор не утверждает категорично, было ли случившееся чудом или нет, а только лишь смотрит на куйбышевские события через призму сознания своих персонажей, будь это сознание изначально религиозным, атеистическим или амбивалентным к проявлениям религии. Некоторые его персонажи под влиянием чуда внутренне эволюционируют и приходят к вере (Сапожников, Болонкин), другие лишь начинают задумываться над вопросами веры и безверия (Нижегородский, Мельников), третьи же остаются на своих атеистических позициях (Тарасов, Плетнев, Никифоров). Писателя-священника интересует здесь не само чудо, от изображения которого он уходит, а внутренние переживания персонажей, их духовная эволюция, процесс сохранения веры и прихода к вере в условиях гонений. Тем самым повесть «Стояние» прекрасно

вписывается в цикл произведений протоиерея Николая Агафонова, посвященных советскому прошлому и его влиянию на религиозную жизнь людей этой эпохи, нашедшей отражение в его рассказах «Красное крещение», «Утешение в старости», «На реках Вавилонских» и многих других [Леонов, Корепанова].

Список литературы

1. Бойко С. С. Книги для бессмертных: геоцентричная проза православных писателей XX–XXI вв. М.: РГГУ, 2021. 341 с.
2. Вальчак Д. Символ «религиозных предрассудков» в советском обществе. Мотив иконы в повести В. Ф. Тендрякова «Чудотворная» // Art Logos. 2021. № 2. С. 104–112.
3. Игнашов И. Стояние Зои (1956 год): То ли быль, то ли небыль // Самарские судьбы. 2010. № 8. С. 26–35.
4. Каплан В. Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением? [Электронный ресурс]. URL: <http://foma.ru/ierejskaya-proza.html> (30.08.2021).
5. Кононенко Ю. Феномен «священнической прозы» [Электронный ресурс]. URL: <http://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html> (28.07.2021).
6. Краснякова М. С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 204 с.
7. Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. «Зоино стояние» — семиотика мифологического нарратива // Вестник славянских культур. 2020. Т. 55. С. 8–21.
8. Леонов И. С. Православная художественная проза XXI века: типология и поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2019. 388 с.
9. Леонов И. С., Вальчак Д. Мотив иконы в повести Бориса Спорова «Монах-спаситель» // Вестник славянских культур. 2020. № 58. С. 245–257.
10. Леонов И. С., Корепанова В. А. Поэтика православной прозы XXI века. Ярославль: Ремдер, 2011. 122 с.
11. Ломоносов М. Д. Приемы и методы атеистической пропаганды в системе образования при Н. С. Хрущеве (1954–1964) // Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сборник материалов научно-практических конференций. Владимир, 2019. С. 2170–2176.
12. Петров Н. В. «Зоино стояние»: фольклорный сюжет и социальная реальность // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 3. С. 112–125.
13. Пращерук Н. В. Современная православная проза: жанровый и аксиологический аспекты // Духовная традиция в русской литературе. Сб. науч. ст. / научн. ред., сост. Г. В. Мосалева. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. С. 502–513.

14. Пращерук Н. В. Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика: учеб. пособие. Екатеринбург: УрГУ, 2018. 116 с.
15. Jewdokimow D. Człowiek przemieniony: Fiodor M. Dostojewski wobec tradycji Kościoła Wschodniego. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2009. 238 s.
16. Phillips A. “You will not be able to put it down”. A review of “Everyday Saints” by Archimandrite Tikhon (Shevkunov) [Электронный ресурс] URL: <https://pravoslavie.ru/56393.html> (09.08.2021).
17. Sulikowska-Gąska A. Spory o ikony na Rusi w XV i XVI w. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. 324 s.
18. Wegnerska B. Prawosławie rosyjskie w kontekście prozy emigranta I fali uchodźstwa rosyjskiego Borysa Zajcewa. Warszawa: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2009. 232 s.
19. Zywert A. Czytając Rosję. Współczesna proza rosyjska w Polsce. Wybrane zagadnienia // Acta Neophilologica. XVII (2). 2015. C. 185–195.

References

1. Boyko S. S. *Knigi dlya bessmertnykh: teotsentrichnaya proza pravoslavnykh pisateley XX–XXI vv.* [Books for Immortals: Theocentric Prose of Orthodox Writers of the 20th — 21st Centuries]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 2021. 341 p. (In Russ.)
2. Val’chak D. The Symbol of “Religious Prejudices” in Soviet Society. The Motif of the Icon in the Novel “Miraculous” by V. F. Tendryakov. In: *Art Logos*, 2021, no. 2, pp. 104–112. (In Russ.)
3. Ignashov I. Zoya’s Standing (1956): Either True or Fiction. In: *Samarskie sud’by*, 2010, no. 8, pp. 26–35. (In Russ.)
4. Kaplan V. *Iereyskaya proza. Stanet li ona literaturnym yavleniyem?* [Priestly Prose. Will it Become a Literary Phenomenon?]. Available at: <http://foma.ru/ierejskaya-proza.html> (accessed on August 30, 2021). (In Russ.)
5. Kononenko Yu. *Fenomen «svyashchennicheskoy prozy»* [The Phenomenon of “Priestly Prose”]. Available at: <http://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html> (accessed on July 28, 2021). (In Russ.)
6. Krasnyakova M. S. *Sovremennaya pravoslavnaya proza: genesis, osnovnyye motivy, tipologiya syuzhetov: dis. ... kand. filol. nauk* [Modern Orthodox Prose: Genesis, Main Motives, Typology of Plots. PhD. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2016. 204 p. (In Russ.)
7. Lebedev V. Yu., Prilutskiy A. M. “Zoya’s Standing” — Semiotics of Mythological Narrative. In: *Vestnik slavyanskikh kul’tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2020, vol. 55, pp. 8–21. (In Russ.)
8. Leonov I. S. *Pravoslavnaya khudozhestvennaya proza XXI veka: tipologiya i poetika: dis. ... d-ra filol. nauk* [Orthodox Fiction of the XXI Century: Typology and Poetics. PhD. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2019. 388 p. (In Russ.)

9. Leonov I. S., Val'chak D. The Motif of the Icon in Boris Sporov's Short Novel "Monk-the Savior". In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2020, no. 58, pp. 245–257. (In Russ.)
10. Leonov I. S., Korepanova V. A. *Poetika pravoslavnoy prozy XXI veka* [Poetics of Orthodox Prose of the 21st Century]. Yaroslavl, Remder Publ., 2011. 122 p. (In Russ.)
11. Lomonosov M. D. Techniques and Methods of Atheistic Propaganda in the Education System Under N. S. Khrushchev (1954–1964). In: *Dni nauki studentov Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh. Sbornik materialov nauchno-prakticheskikh konferentsiy* [Days of Science of Students of the Vladimir State University Named After Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs. Collection of Materials of Scientific and Practical Conference]. Vladimir, 2019, pp. 2170–2176. (In Russ.)
12. Petrov N. V. "Zoya's Standing": a Folk Plot and Social Reality. In: *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2018, vol. 19, no. 3, pp. 112–125. (In Russ.)
13. Prashcheruk N. V. Modern Orthodox Prose: Genre and Axiological Aspects. In: *Dukhovnaya traditsiya v russkoy literature* [Spiritual Tradition in Russian Literature]. Izhevsk, 2013, pp. 502–513. (In Russ.)
14. Prashcheruk N. V. *Sovremennaya dukhovnaya proza: traditsii, smysly, poetika* [Modern Spiritual Prose: Traditions, Meanings, Poetics]. Yekaterinburg, Ural State University Publ., 2018. 116 p. (In Russ.)
15. Jewdokimow D. *Człowiek przemieniony: Fiodor M. Dostojewski wobec tradycji Kościoła Wschodniego* [A Transformed Man: Fyodor M. Dostoevsky and the Tradition of the Eastern Church]. Poznań, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza Publ., 2009. 238 p. (In Polish)
16. Phillips A. "You Will Not Be Able to Put it Down". A Review of "Everyday Saints" by Archimandrite Tikhon (Shevkunov). Available at: <https://pravoslavie.ru/56393.html> (accessed on August 09, 2021). (In English)
17. Sulikowska-Gąska A. *Spory o ikony na Rusi w XV i XVI w.* [Disputes Over Icons in Russia in the 15th and 16th Centuries]. Warsaw, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2007. 324 p. (In Polish)
18. Wegnerska B. *Prawosławie rosyjskie w kontekście prozy emigranta I fali uchodźstwa rosyjskiego Borysa Zajcewa* [Russian Orthodoxy in the Context of the Prose of the Emigrant of the First Wave of Russian Refugee Boris Zaitsev]. Warsaw, Wydawnictwo Adam Marszałek Publ., 2009. 232 p. (In Polish)
19. Zywert A. Czytając Rosję. Współczesna proza rosyjska w Polsce. Wybrane zagadnienia [Reading Russia. Contemporary Russian Prose in Poland. Selected Issues]. In: *Acta Neophilologica*, 17 (2), 2015, pp. 185–195. (In Polish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Леонов Иван Сергеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры мировой литературы, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (ул. Академика Волгина, 6, Москва, Российская Федерация 117485); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7435-3963>; e-mail: ISLeonov@pushkin.institute.

Ivan S. Leonov, PhD (Philology), Associate Professor, Professor of World Literature Department, Pushkin State Russian Language Institute (Academician Volgin St., 6, Moscow, Russia); 117485 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7435-3963>; e-mail: ISLeonov@pushkin.institute.

Дорота Вальчак, кандидат исторических наук, магистр истории, магистр искусствоведения, магистр русской филологии, Варшавский университет (ul. Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927 Варшава, Польша); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6109-6673>; e-mail: dorota.walczak1990@gmail.com.

Dorota Walczak, PhD (History), Master of History, Master of Art History, Master of Russian Philology, University of Warsaw (Krakowskie Przedmieście St., 26/28, 00-927 Warsaw, Poland); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6109-6673>; e-mail: dorota.walczak1990@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 21.11.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.01.2022

Принята к публикации / Accepted 15.01.2022

Дата публикации / Date of publication 14.02.2022